

НОВЫЕ ЦЕХОВИКИ ПРОТИВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

В последнее время все активнее разворачиваются споры о реформе образования. Инициативы реформаторов наталкиваются на яростное сопротивление. Из среды профессионального образовательного сообщества в их адрес доносятся обвинения в злокозненности.

Говорить о силах зла, желающих все развалить, на исходе второго десятилетия «ускорений», «перестроек» и «реформ» уже несерьезно. Мы же не на базаре, где надо опасаться конокрадов. Взрослые, умные люди ведут (в меру своего понимания) чрезвычайно важную дискуссию о будущем системы образования, наших детей, в конечном счете государства и общества. Специалисты могут добросовестно заблуждаться, могут даже стремиться превратить свой частный или корпоративный интерес в общественный – что с того? Любой общественный интерес начинается как частный.

Принципиально не хочу называть никаких фамилий, вести спектральный анализ скорлупы метко пущенных тухлых яиц. В схватке «реформаторов» и «традиционалистов» решается совсем не та проблема, которая озвучивается. Речь идет о способе жизнедеятельности профессионального педагогического сообщества. Мнимые ретрограды зовут вовсе не в советское прошлое. Лобби держателей нелегального (употребляю термин безоценочно) рынка образовательных услуг, состоящее из части педагогов и чиновников, сражается за сохранение той системы самофинансирования, которая сложилась, пока государство отсутствовало по неуважительной причине. Теперь государству пришла пора возвращаться. Но обнаруженный «статус-кво» его не устраивает. Точнее, не его, а стоящие за ним группы с другими интересами: работодателей, родителей, силовиков... Эти интересы пытается выразить и реализовать другое лобби: педагогов, занимающих гражданские (опять же безоценочно) позиции, и чиновников, выражающих новый интерес государства – есть и такие.

Нормальная борьба общественных интересов. Жидомасоны ни с той, ни с другой стороны не просматриваются.

Педагоги – не единственное профессиональное сообщество, которому приходится спасаться во время очередной смуты, когда государство вынуждено отлучиться по нужде лет этак на десять. За время его отсутствия в обществе вырастают анклавные выживания тех профессионалов, кто отказался (либо не смог) уехать за границу или торговать семечками. В этом смысле профессиональные сообщества выживающих журналистов, чекистов и педагогов схожи, функционально подобны. Они одновременно играют и достойную, и разрушительную роль. В этих анклавах удастся пересидеть специалистам и образованным людям, нужда в которых у общества возникнет, как только закончится очередная смута. С другой стороны, тот способ, каким они выживают, решительно расходится с интересами общества в целом. Профессионалы заинтересованы в том, чтобы делать именно и только то, что они умеют, и получать за это деньги. На базе этого невинного желания «невидимые руки» выстраивают империю журналистской «джинсы», криминализованную сеть частных охранных и сыскных агентств и пирамиду преподавательских взяток.

Никому неохота меняться или переучиваться, тем более на свой страх и риск, когда нет четкого социального заказа, а еще лучше госстандарта. На подобное гражданское действие решается только меньшинство, и зачастую проигрывает.

В момент, когда государство пытается вернуться, «сообщества выживающих» уже окрепли и стоят насмерть. Казалось бы – подумаешь, педагоги! Нашли темную силу... Люди всего лишь

стремятся сохранить статус-кво: чтобы у них по-прежнему покупали те «знания», что они могут продать. Работодатели-то уже новые – не разберешься, чего они там хотят, а родители, к счастью, все еще старые. И вот многомиллионное сообщество начинает попросту эксплуатировать понятную слабость родителей, готовых платить за никчемные корочки с пленительными названиями: «менеджмент», «маркетинг», «аудит»...

Я далек от мысли представить рядовых профессиональных цеховиков новыми врагами народа. Им нужно помочь. У нас огромное число образованных людей оказалось в агрессивных сообществах выживающих. В своеобразных резервациях, гетто. Надо найти формы конвертации этой омертвелой ткани в новые институты обновляющегося общества. Надо дать вчерашним специалистам шанс переучиться, повысить или изменить квалификацию. Как можно скорее помочь им понять, что нужно обществу сегодня. Тех, кто не способен или не хочет переучиваться, нужно просто отправить на пенсию с удовлетворительным уровнем достатка, чтобы они не взяли в руки дробовики. И чтобы их общий культурный уровень, – находящийся, кстати, в противоречии с их сегодняшней гражданской позицией, – все-таки играл позитивную роль в обществе.

Истерический тон дискуссии вызван тем, что право вести диалог от имени профессиональных сообществ обычно узурпируют некие «самоуполномоченные» лица, с которыми по понятным причинам говорить гораздо сложнее. Мы должны понять, что большинство членов этих сообществ находятся там не от хорошей жизни, просто у них не нашлось альтернатив сохраниться в качестве специалистов, а государство их бросило. Общество должно как можно скорее предложить такую альтернативу, обратиться к ним напрямую. Что же касается лидеров сообщества, контролирующих скрытые финансовые потоки – тех, кто, так сказать, отвечает за «общак» – для них тоже существуют альтернативы и мосты для возвращения к нормальной жизни. Все-таки они не наркотиками торгуют. Никого не надо припирать к стенке. Не исключено, что сегодняшние агрессивные противники реформ завтра вполне могут оказаться среди чиновников и сами возьмутся за воплощение предлагаемых новаций. Еще не вечер.

Противники реформ в образовании пытаются также перевести дискуссию в содержательную плоскость. Постоянно идут разговоры об угрозе понижения уровня образования, о том, что реформаторы хотят урезать или даже «выкинуть» математику и другие естественные предметы цикла.

Бесспорно, математика необходима в любой школе, любом университете. Вопрос в том, какая. Ведь стандарт преподавания математики, как ни странно, подвержен устареванию ничуть не в меньшей степени, чем другие дисциплины. Сейчас в вузах продолжают учить ту же математику, которой учили 20, 30 и 50 лет назад. На 90% это все то же дифференциальное и интегральное исчисление и спектр дисциплин, так или иначе с ним связанных. Разнообразные уравнения математической физики, нелинейные колебания и т.п. базируются на одном фундаменте. И фундамент этот – вовсе не математика, а крохотная веточка на дереве математики, которая разрослась до гигантской грыжи и претендует на то, чтобы замещать собой целое. В ответ на все настоятельные требования корпуса современных управленческих дисциплин она лишь чуть подвинулась, допустив в свои владения немного статистики. Реформаторские порывы не простираются дальше элементарной теории множеств. Где топология? Где высшие алгебры? Для сегодняшних управленцев и предпринимателей абсолютно необходима конструктивная математика, современный универсальный язык категорий и функторов.

Нет большего греха, нежели когда часть начинает мнить себя целым. И в этом грехе пребывает часть наших педагогов-математиков. Учим не тому, что надо, а тому, что умеем, что привычно. В результате, обсуждая вроде бы проблему содержания образования, мы опять обнаруживаем, что сталкиваемся с той же самой проблемой агрессивного выживания профессионального сообщества, в данном случае – его части.

Есть фундаментальная проблема, которую, похоже, и сами реформаторы еще не разглядели до конца. Это отчуждение, разрыв между ситуацией образования и ситуацией жизни. Дело в том, что, учась в вузе, молодой человек вращается в определенном мире, а когда оттуда выходит и погружается в жизнь, то попадает в совершенно иной. Разрыв между двумя реальностями существовал всегда. (Помните у старшего Райкина: «Забудьте индукцию и дедукцию, давайте

продукцию»?) Но сейчас он увеличился до катастрофических размеров и превратился в настоящую пропасть. Дело в том, что раньше хозяйственная жизнь была относительно стабильна и практически не менялась за время жизни поколения. А теперь тип деятельности хозяйственных субъектов и связанных с ними специалистов меняется каждые 5-7 лет, а ситуация в образовании застыла. С точки зрения современного управленца и предпринимателя (чьего мнения не случайно никто не спрашивает) наша система образования представляет собой просто краеведческий музей. Срисованные из западных учебников трогательные истории про «современный маркетинг» в исполнении лиц, никогда не нюхавших предпринимательского пороха, ничуть не актуальнее «политэкономии социализма». Поэтому от сегодняшнего образования у выпускника остается только дым костров, крепкие локти друзей, незабываемые впечатления от выпускного вечера и диплом-пустышка, ничего не стоящий на рынке труда. Практически никто из сегодняшних выпускников не может самостоятельно соотнести свою жизнь и хозяйственную практику с тем, что ему преподавалось в существующих стандартах сколь угодно «естественных» и «точных» наук. Другими словами – работать профессионально и кормить семью они просто не готовы. Именно поэтому отказались от системы распределения – сегодняшние выпускники не нужны работодателю! Система вузов сегодня производит не кадры для работодателей, а дипломы для родителей. Попутно целое поколение молодежи идет в отвал, и в этом отвале, как скрытая радиоактивность, накапливается потенциал протеста.

Преодоление разрыва может быть осуществлено только со стороны жизни, со стороны забытых «традиционалистами» работодателей. Главное, нужно в максимально возможной степени совместить «ситуацию жизни» с «ситуацией обучения». Как, например, это делалось, когда я учился на Физтехе. В университетскую систему (на глубину до третьего курса) ввинчивалась реальность в виде практических задач. Половину времени мы проводили в действующих научных и инженерно-конструкторских коллективах. И едва ли не решающим фактором был руководитель стажировки. Преодоление рокового разрыва, акт совмещения теории с современной практикой требует человеческого масштаба. Для моих товарищей по студенческой группе таким человеком стал академик Раушенбах. Он вмещал в себя, с одной стороны, ревущие сопла и огненные траектории ракет, а с другой – небесную механику, дисциплину, предельно приближенную к чистой математике. А параллельно он читал нам авторский курс о структурах пространственного восприятия в средневековой живописи, где математика соприкасалась с этикой и нашим культурным, историческим наследием.

Поэтому единственно возможный выход – практика, пришедшая внутрь университета и представленная социальными конструкторами, предпринимателями, которые уже сами внутри себя соотнесли жизнь и то знание, которое они готовы передавать. Прямое соприкосновение студентов с этими людьми и их задачами. И педагогика, готовая к освоению такой практики.

Вопрос упирается в заказчика новой системы подготовки кадров. Вместо фигуры родителя, который, продав корову и козу, несет в узелке последнее ректору Международной академии аутсорсинга (бывший рыбвтуз), на передний план выходит фигура работодателя, очень пугающая противников реформ. Взаимодействие с работодателем педагогических структур требует от них глубокого и одновременно конкретного понимания проблем, для решения которых работодателю нужны кадры. При всей своей наивной очевидности, это достаточно революционный подход. Только за счет ресурсов развивающегося постиндустриального уклада, а не за счет родителей может полноценно жить система образования.

Речь идет о том, что на наших глазах возник и развивается новый тип хозяйственной деятельности, от динамики и масштабов которого напрямую зависит благополучие общества. Именно эту деятельность надо изучать, совершенствовать и расширенно воспроизводить. Только тогда мы сможем передавать эту компетенцию молодым людям, чтобы они нашли себя в жизни. Система образования должна производить компетентных управленцев, умеющих предпринимать в ответ на перемены, опережая перемены и формируя их поток.

Объединения работодателей и гражданские союзы должны помочь государству преодолеть сопротивление новых цеховиков и одновременно потребовать от него более энергичных действий в защиту национальных интересов, интересов молодого поколения.